

Тогда оба они были совершенно беззащитны, и вдруг Шуй Сэньсэнь, стоявшая за их спинами, схватила кухонный нож и со всей силы метнула его в сторону Му Дуню. Кто бы мог подумать, что за ее прежним видом скрывается такое коварство? И, словно по злой иронии судьбы, лезвие летело прямо в сердце Му Дуню.

Цзя Циньби, шедший позади, благодаря своей внутренней энергии обладал острым слухом и зрением, поэтому первым заметил опасность. Следуя своей задаче, он совершенно забыл о собственной безопасности: сделав шаг вперед, он собирался оттолкнуть Му Дуню и перехватить нож голыми руками.

Однако русалка — существо необычайное. Цзя Циньби лишь почувствовал, как перед глазами мелькнула тень, а чья-то сильная рука обхватила его за талию и рывком оттащила в сторону. Нож, который должен был вонзиться в него, пролетел мимо и с силой вонзился в дверное полотно.

Даже в этот момент рукоять ножа продолжала мелко дрожать, что свидетельствовало о невероятной силе, с которой был нанесен удар.

— Ты ранен? — Му Дуню впервые выглядел встревоженным. Он отпустил Цзя Циньби и принялся торопливо ощупывать его, боясь найти хоть малейшую царапину.

Даже если ты натурал, от таких прикосновений можно потерять голову, а уж Цзя Циньби, который столько раз поддавался искушению этой красотой, и подавно. Испугавшись, что сейчас совершит что-то неподобающее и разрушит свой образ, он поспешно перехватил руки Му Дуню:

— Дуню, я в порядке. Спасибо тебе.

Му Дуню пристально смотрел на него, а затем тихо произнёс:

— Хорошо, что ты цел.

Сказав это, он обернулся. Его острый взгляд, упав на Шуй Сэньсэнь, наполнился такой убийственной яростью, что воздух вокруг словно стал густым и вязким от давящего давления.

В тот же миг Шуй Сэньсэнь с жалким стоном рухнула на пол — невидимая мощь прижала ее так сильно, что она не могла даже поднять голову.

Блестящие кожаные туфли остановились перед ней. Му Дуню произнёс ледяным тоном:

— Я думал о том, как с тобой поступить.

— Значит... ты пришел сюда, чтобы строить из себя привидение? — Шуй Сэньсэнь, придавленная этой аурой, не могла пошевелиться, а сердце ее билось где-то в горле. Но даже чувствуя страх, она не желала уступить.

Му Дуню усмехнулся. Он поддел носком туфли ее подбородок, заставляя встретиться с его холодными, синими, как бездна, глазами:

— Я мог терпеть твои мелкие пакости, потому что знал, какой будет твой финал. Но, Шуй Сэньсэнь, ты разрушила всю мою жизнь. Мне повезло, я вернулся, а ты снова пытаешься навредить моему другу и разрушить то, что у меня осталось?

Дай-ка подумаю, что для тебя важнее всего.

Конечно, твоя репутация. Ты так любишь, когда все тобой восхищаются. Жаль только, что сейчас на улице я могу подойти к любому прохожему, и он расскажет мне, что о тебе думает.

Хочешь послушать?

— Довольно! Не надо! Заткнись! — Шуй Сэньсэнь тяжело дышала, ее лицо исказилось от ужаса и гнева. Под колоссальным давлением она попыталась пошевелить пальцами, чтобы ухватиться за туфлю Му Дуню.

Му Дуню лишь сделал шаг назад. Он смотрел на нее сверху вниз, и в его голосе не было ни капли человеческих чувств:

— Злая, уродливая, лицемерная, недостойная называться человеком.

Есть еще много, очень много других мнений. Ты их видела?

— Убирайся! Убирайся вон! — Шуй Сэньсэнь задыхалась. Давление русалки, подобное горе, давило на нее, и любое движение давалось с неимоверным трудом.

Но Му Дуню не собирался останавливаться. Его синие зрачки постепенно начали меняться, превращаясь в лазурные, в них медленно закручивалась крошечная воронка. Его голос, казалось, проникал прямо в мозг Шуй Сэньсэнь, звуча предельно ясно:

— В тюрьме ты этого не услышишь, так что я помогу тебе. Верну долг за этот нож.

Как только он закончил говорить, раздался голос незнакомой девушки — резкий и презрительный, она изо всех сил поносила Шуй Сэньсэнь. Вслед за ней зазвучали голоса юношей, детей, молодых людей, стариков. Все они говорили только о ней, и это были самые отвратительные проклятия, какие только можно представить.

— Наслаждайся. Не волнуйся, до самой твоей смерти они не умолкнут, — сказал Му Дуню и вернулся к Цзя Циньи.

Как только они вышли, они увидели полицейских, окруживших дверь. Когда двери распахнулись, первым, что бросилось в глаза, был нож, торчащий в косяке. Молодой полицейский невольно ахнул. А вид Шуй Сэньсэнь, плашмя лежащей на полу в полном беспорядке, заставил их еще больше насторожиться.

Му Дуню спокойно объяснил собравшимся, что произошло в комнате, и в конце добавил:

— Боюсь, у нее проблемы с психикой. Только что она пыталась на меня напасть, будьте осторожнее.

Цзя Циньи дождался, пока он закончит эту небылицу, и, когда они уже вышли из больницы, спросил:

— Ты заставил Шуй Сэньсэнь слушать все эти оскорбления, неужели решил проявить доброту?

Му Дуню ответил:

— Шуй Сэньсэнь больше всего дорожит своей репутацией. Сначала она присосалась ко мне, потом вместе с Бань Цзинлинем убила меня, а позже пыталась подобраться к тебе и подавить меня. Все это было ради того, чтобы подняться выше, она наслаждалась этим чувством превосходства. — Здесь в его глазах промелькнул ледяной отблеск. — К тому же, у меня нет такой силы, чтобы заставить ее слышать голоса людей. Она слышит лишь то, чего боится больше всего: как она, великая звезда, на глазах у всех превращается в уличную крысу. Для нее это пытка похуже смерти.

Цзя Циньи рассмеялся, похлопал Му Дуню по плечу и сказал:

— Психическая атака, неплохо. Спасибо, что выпустил пар за меня.

— Есть еще кое-что. — Му Дуню остановился и повернулся к Цзя Циньи.

— Что?

— Впредь, если возникнет такая ситуация, не лезь на рожон. Я не человек, мне это не угрожает, — серьезно сказал Му Дуню.

Цзя Циньи так же серьезно посмотрел на него в ответ:

— Это не безрассудство. Я мастер боевых искусств, перехватить нож для меня не проблема.

Му Дуню ответил:

— Если с тобой что-то случится, я лишусь учителя, это будет слишком большая потеря.

Цзя Цинь улыбнулся. Он, конечно, понял, что имел в виду Му Дуню, и не стал спорить, а просто достал диктофон и показал его:

— Ладно, у нас здесь есть еще одно важное дело.

Самолет Бань Цзинлиня за границу должен был вылететь после обеда, но то ли из-за невезения, то ли из-за чьего-то вмешательства, рейс постоянно задерживался, откладываясь в общей сложности на пять часов, так что ко времени посадки уже стемнело. Если бы не тот факт, что билеты на другие рейсы были странным образом раскуплены, Бань Цзинлинь не остался бы здесь ни на минуту дольше. Услышав объявление о посадке, он первым встал в очередь, но у самого выхода его остановили.

— В чем дело? — Бань Цзинлинь тут же вспыхнул.

Шум привлек внимание охраны аэропорта, и через мгновение они окружили его. Сотрудник службы безопасности что-то прошептал на ухо охраннику, лицо того стало серьезным, и он сказал Бань Цзинлиню:

— Господин, пройдемте с нами.

Бань Цзинлинь, конечно, не хотел идти. В его сердце уже забили тревогу, он смутно догадывался, почему его остановили, но даже несмотря на это, его сопротивление не принесло результата. Охранники принудительно увели его, а вскоре прибыл отряд полиции и забрал его из аэропорта.

— Куда вы меня ведете! — Даже если внутри у него все клокотало, Бань Цзинлинь не позволял себе показать это на лице. Он выглядел как возмущенный невиновный человек, которого непонятно за что задержали. — У меня вообще-то дела!

Никто не ответил ему. Когда полицейская машина доехала до участка, даже хладнокровие Бань Цзинлиня дало сбой.

Что бы он ни планировал и как бы ни изворачивался, эту ночь в полицейском участке он провел гарантированно.

Улики по делу об убийстве Му Минцзэ, казалось, были собраны буквально за одну ночь. Никто

уже не обращал внимания на то, откуда взялась та ключевая запись, все внимание общества было приковано к Бань Цзинлиню — типичному представителю успешных людей. И это внимание обернулось грандиозным шоу.

Судебный процесс вызвал огромный общественный резонанс и в итоге транслировался в прямом эфире на всю страну. Му Дуню и Цзя Циньши после обсуждения решили отправиться на место, чтобы посмотреть на это лично.

Сидя на скамьях для слушателей и глядя на Бань Цзинлиня и Шуй Сэньсэнь, стоящих на скамье подсудимых с серыми от страха лицами, видя, как под давлением адвокатов они постепенно ломаются, но до последнего отказываются признавать правду, они почувствовали, что справедливость наконец восторжествовала.

Как бы они ни извивались, результат был неизбежен. Это было то же самое чувство безысходности, что испытывал перед смертью Му Минцзэ, и теперь эти двое виновников должны были сполна ощутить это на себе — в десять, в сто раз сильнее!

Бань Цзинлинь и Шуй Сэньсэнь оказались одного поля ягодами. Видя, что доказательств предостаточно и оправдаться уже невозможно, оба пытались переложить основную вину друг на друга, лишь бы спасти свою шкуру. Поначалу положение Бань Цзинлиня казалось более выгодным: он всегда действовал осторожно, заставлял Шуй Сэньсэнь делать грязную работу, и со стороны казалось, что это он был втянут ею в преступление.

Но Бань Цзинлинь никак не ожидал, что Шуй Сэньсэнь, хотя и уступала ему в способностях, уже была доведена до безумия постоянным насмешливым шепотом в голове. В таком состоянии она стала похожа на бешеную собаку, выбалтывая все — и правду, и ложь. Она уже поняла, что ей не спастись, и тянула Бань Цзинлиня за собой в ад.

Суд длился долго, в конце концов обоих приговорили к смертной казни. Лоб Бань Цзинлиня покрылся холодным потом, его прежняя добродушная маска была отброшена, он злобно смотрел на безумную Шуй Сэньсэнь, словно хотел убить ее прямо на месте.

Шуй Сэньсэнь же истерически хохотала. Когда подошли судебные приставы, чтобы увести ее, она вдруг замолчала и, казалось, пришла в себя.

Му Дуню и Цзя Циньши уже собирались уходить, как вдруг услышали пронзительный женский крик. Обернувшись, они увидели, как Шуй Сэньсэнь вцепилась в барьер скамьи подсудимых и, дрожа, твердила:

— Я не хочу умирать! Я не хочу умирать! Я знаю, я была неправа! Му Минцзэ, заberi свою песню, сохрани мне жизнь! Уйдите все! Уйдите!

Она несла какой-то бред. Цзя Циньши бросил на нее взгляд и отвернулся, заметив, что Му Дуню на мгновение замер.

— Дуню, — позвал он.

Му Дуню посмотрел на него, в его глазах постепенно разливалось тепло.

— Пойдем, — сказал он.

— Цзин, этот дурак, наверное, сейчас с ума сходит от злости. — Выйдя из здания суда, Цзя Цинь, чьи волосы растрепал ветер, прищурился, глядя вдаль.

— Ты ведь брал отгул? — Му Дуню вел его вниз по ступеням. К ним бесшумно подъехал черный седан.

Цзя Цинь приподнял бровь и с легкой улыбкой ответил:

— Это ты брал отгул, а я сбежал.

Му Дуню вздохнул, схватившись за голову, открыл дверь и усадил своего маленького предка в машину:

— Поехали скорее домой.

Съемки после фильма Звук бандита прошли гладко, без всяких происшествий. Фильм еще до начала съемок стал популярен благодаря именам режиссера и исполнителей главных ролей, а из-за громкого скандала вокруг актрисы и второго главного героя о нем узнали даже те, кто обычно не смотрит кино. То, что в итоге фильм превратился из истории с парой героев в драму двух мужчин, привлекло еще больше внимания.

По всем этим причинам Звук бандита, вышедший в прокат на новогодние праздники, побил рекорды отечественных фильмов последних лет, с первой же недели опередив многие зарубежные блокбастеры. Великолепная игра Цзя Цинь и Му Дуню, а также их внешность заставили многих пересматривать фильм по два-три раза. Казалось, в стране больше не существует другого кино, кроме Звука бандита.

Огромный успех принес свои плоды: Му Дуню в одночасье стал вторым кумиром миллионов, а их с Цзя Цинь отношения наставника и друга вызывали всеобщий восторг. Когда подошло время главной кинопремии страны Золотое кольцо, фильм был номинирован во множестве категорий, а оба главных героя попали в номинацию Лучшая мужская роль.

Это случалось крайне редко. Му Дуню предполагал, что премию получит Цзя Цинь, ведь по опыту и известности он значительно уступал ему, да и в актерском мастерстве, как считал Му Дуню, он был чуть слабее. Даже будучи номинированными вместе, он считал себя лишь дополнением к триумфу друга.

Когда он поделился этим предположением, Цзя Цинь лишь загадочно посмотрел на него, не дав ответа.

Наряды для церемонии подбирал Цзя Цинь: два костюма, черный и белый, в похожем стиле. Стоя рядом, они выглядели как близкие братья. Му Дуню остался очень доволен и решил не брать спутницу, чтобы пройти по красной дорожке вместе с ним.

Когда Му Дуню вышел из машины и услышал, как фанаты скандируют его имя, на мгновение ему показалось, что он вернулся в прошлую жизнь.

Му Минцзэ точно так же гордо шел по этой дорожке, получая корону кинозвезды, но его дальнейшая жизнь оказалась совсем не такой блистательной, как он мечтал. Прошое и настоящее переплелись, и он замер на месте в замешательстве.

— Пойдем, — раздался рядом ясный голос. Он обернулся: Цзя Цинь в белоснежном костюме с идеальной, профессиональной улыбкой выглядел ослепительно.

Крики вокруг усилились, все больше людей выкрикивали имя Цзя Цинь. Му Дуню в одно мгновение пришел в себя. Он — Му Дуню, а не Му Минцзэ. Он — тот самый Му Дуню, у которого есть лучший друг Цзя Цинь, а не одинокий Му Минцзэ.

В этот момент связь с прошлой жизнью окончательно оборвалась. Му Дуню улыбнулся в ответ Цзя Цинь, и они вместе зашагали по красной дорожке.

Два красавца, идущие плечом к плечу, — это было не просто один плюс один равно два. Вспышки камер не умолкали ни на секунду, а крики были настолько оглушительными, что даже когда они заняли свои места, в ушах еще долго звенело.

Вскоре после того, как все звезды и пресса собрались, церемония началась. Звук бандита стал главным триумфатором вечера, собрав семь или восемь наград из десяти номинаций. Когда объявили номинацию Лучшая актриса, Му Дуню невольно занервничал.

— Дуню, — позвал его Цзя Цинь, — речь для благодарности выучил?

Его глаза в свете софитов казались невероятно красивыми. Му Дуню беззащитно утонул в них и тихо ответил:

— Это тебе нужно учить речь.

— Не факт.

Гость уже вскрыл конверт с именем лучшего актера. Софиты по очереди освещали лица

номинантов, а Му Дуню спокойно сидел в кресле, уже приготовившись аплодировать Цзя Циньи.

— Победитель в номинации Лучшая мужская роль — Му Дуню!

Прожектор мгновенно сфокусировался на нем. Цзя Циньи подтолкнул его, и Му Дуню поднялся. Все вокруг казалось нереальным. Под гром аплодисментов он поднялся на сцену, и все — и на сцене, и в зале — поздравляли его. Гость вручил ему статуэтку, символ звания кинозвезды, Му Дуню крепко взял ее и подошел к микрофону.

В этот миг казалось, что весь мир смотрит на него. Му Дуню в забытьи произносил слова благодарности, его взгляд скользнул по залу и остановился на Цзя Циньи.

В тот вечер он не помнил, что делал потом и что говорил, он помнил лишь одно — как от всего сердца произнес:

— Спасибо моему самому дорогому другу, Цзя Циньи.

А Цзя Циньи?

Он тоже искренне улыбался — ради успеха Му Дуню и ради чего-то еще...

— Дзынь! Поздравляю хоста с выполнением задания. Желаете покинуть этот мир?

— Нет, не покидаю.

— Дзынь! Понял. У вас осталось четыре часа в этом мире.

Улыбка Цзя Циньи угасла. Он прожил здесь слишком долго, был связан с таким количеством людей, что теперь уходить было по-настоящему больно.

Но в его голове таймер, который раньше был просто списком данных, теперь отсчитывал секунды, напоминая, что пора уходить.

Церемония затянулась до глубокой ночи. Несмотря на то, что сейчас Му Дуню мог позволить себе снять приличное жилье, из-за каких-то смутных чувств он остался у Цзя Циньи, а тот никак не отреагировал на это.

— Это ты мне помог, да? — спросили они, когда вышли из машины, и вокруг никого не осталось.

Цзя Цинь не ответил прямо:

— Премия Лучший актер зависит не только от мастерства.

Му Дуню долго молчал, прежде чем произнести:

— Цзя Цинь.

— М? — Цзя Цинь, шедший впереди, обернулся.

— Спасибо.

Цзя Цинь приподнял брови:

— Не за что. — Сказав это, он сделал вид, что только что вспомнил, и серьезно добавил: — Кстати, мои родные меня ищут, мне нужно съездить домой. Иди домой один.

Му Дуню кивнул:

— Когда вернешься?

Цзя Цинь на мгновение замялся, но все же ответил:

— Наверное, я уеду надолго. Мне нужно учиться за границей несколько лет.

Му Дуню почувствовал, как жар в груди сменился холодом. Вся роскошь этого вечера рассыпалась от одной этой фразы. Он смог выдавить из себя лишь:

— Счастливого пути.

— М. — Цзя Цинь тоже чувствовал себя неважно, но, видя, что на таймере в голове осталось меньше десяти минут, поспешил развернуться и уйти.

Он прошел немного, чувствуя на спине обжигающий взгляд. Когда он уже подходил к повороту, он все же не выдержал и обернулся.

Му Дуню часто думал потом: если бы в тот момент Цзя Цинь не обернулся, если бы у него не было этой странной внутренней энергии, или если бы они просто пошли домой, как обычно — изменилось бы все?

Грузовик мчался по дороге, его скорость была слишком велика. Когда он проезжал под уличным фонарем, зрение, усиленное внутренней энергией, позволило Цзя Циньни четко разглядеть лицо водителя.

Это была Шуй Сэньсэнь!

Плохо!

В то мгновение его действия опередили мысли. Он рванулся вперед, подобно ветру, бросаясь к Му Дуню, а грузовик безумно неся на него.

Время словно замедлилось. Скорость Цзя Циньни была велика, но он был слишком далеко. Му Дуню почувствовал неладное, но уклониться уже не успевал. За мгновение до столкновения русалка почувствовала лишь мощный толчок, отбросивший его далеко в сторону.

Он упал на землю, но ему было не до себя. Подняв голову, он увидел, что грузовик врезался в ограду жилого комплекса, а Цзя Циньни исчез из виду.

Му Дуню с нечеловеческой скоростью бросился туда, но увидел лишь вмятину в кабине и лужу крови, которая казалась ослепительно яркой.

В тот миг весь мир потерял всякий смысл.

Ощущение от выхода из мира было далеко не приятным. Когда Цзя Циньни пришел сюда, он был без сознания, но уходил в полном рассудке. Словно его выдавливали из чего-то тесного и вязкого. Не прошло и минуты, как он почувствовал головокружение и тошноту.

Его привел в чувство холодный, сухой голос системы:

— Поздравляю хоста с выполнением задания. Вы успешно сыграли роль благодетеля в жизни цели Му Дуню. Задание заархивировано... баллы начислены...

<http://bllate.org/book/19860/1955139>